

В. Х. Гильманов, И. Д. Коцев, Н. Е. Лихина

**ТАЙНА МАГНЕТИЗМА
В МИСТЕРИИ РОМАНТИЧЕСКОГО ДУХА Э. Т. А. ГОФМАНА
(на материале новеллы «Магнетизёр. Семейная хроника»)**

99

Новелла «Магнетизёр» рассматривается в интеллектуальном и идейном контексте эпохи Э. Т. А. Гофмана, которая характеризовалась, с одной стороны, прогрессом научного знания, с другой – успехом причудливых паранаучных концепций. В частности, прослеживается связь художественной мысли Гофмана с популярными в начале XIX в. идеями Месмера и тайным знанием масонства, которые осмысливаются Гофманом как угроза миру, описываемому христианской онтологией и антропологией. В художественной и философской интерпретации Гофмана распространявшиеся парapsихологические практики предстают компонентами технологии зла в его извечной борьбе с добром.

The novel “Magetizer” is viewed within the intellectual and ideological context of E. T. A. Hoffmann’s era, who was characterized, on the one hand, by the progress of scientific knowledge, and on the other, by the success of imaginary parascientific concepts. In particular, the authors trace the connection of Hoffmann’s artistic thought with the ideas of Mesmer and the secret knowledge of Freemasonry popular at the beginning of the XIX century, which Hoffmann interprets as a threat to the world described by Christian ontology and anthropology. In the artistic and philosophical interpretation of Hoffmann, the prevalent parapsychological practices are the components of the technology of evil in its eternal struggle against good.

Ключевые слова: Гофман, романтизм, софийность, магнетизм, демонизация, месмеризм, масонство.

Keywords: Hoffman, romanticism, sophianic, magnetism, demonization, mesmerism, freemasonry.

В истории немецкого романтизма Э. Т. А. Гофман до сих пор остается одним из самых загадочных явлений не только по причине виртуозной новаторской поэтики его произведений, но и вследствие серьезного дефицита работ, которые могли бы в должной степени прояснить специфику историко-культурного контекста его эпохи. Таинственность этой эпохи связана, с одной стороны, с усилением масонских влияний на все сферы общественной жизни, а с другой – с началом стремительной трансформации культуры в новое качество, воспринятое многими романтиками как глобальная угроза для эссенциальной архитектуры мироздания. Откликаясь на вызов нового времени, Э. Т. А. Гофман в ряде своих сюжетов вскрывает технологию разрушения онтологической основы бытия. Заметное место среди них принадлежит новелле «Магнетизёр. Семейная хроника».

Онтологический фундамент бытия отражен в мифопоэтике разных культур, прежде всего как история «вечной женственности», например в мариологии Средневековья или в гиноцентризме Возрождения и барокко. В российской культурной традиции представление об этой гиноцентрической основе связано в первую очередь с категорией софийности как «женственности Бытия в Боге» [11, с. 12]. Именно разрушение софийности рассматривается многими российскими и зарубежными исследователями как одна из главных причин деструктивной космодрамы, раскрывающейся, с точки зрения онтологического взгляда на литературу [2; 9; 10], в «онтодраме образов» [2, с. 412]. Методологическая основа данной работы ориентирована на современные поиски необходимого уточнения основополагающих принципов онтологической поэтики, связанных с герменевтическими инициативами в трудах российских ученых, преимущественно Серебряного века — А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, А. Ф. Loseва и других. Основной характеристикой этих поисков является логоцентризм бытия и космоса, то есть исходная убежденность, что в символизме художественного слова происходит «самоидеация Вселенной» [3, с. 25], что дух бытия или небытия дает о себе знать, прежде всего в поэзии [13]. Данный подход соответствует в значительной мере пониманию судьбы немецкого романтизма как «мистерии духа» [7], противостоящего демоническому разрушению софийной основы бытия.

Написание новеллы «Магнетизёр» Гофман датирует 16 августа 1813 г. В это время он находился в Дрездене, куда он прибыл 25 апреля 1813 г. из Бамберга, приняв предложение театрального директора Йозефа Секонды занять пост музыкдиректора в Дрезденской опере. В тот же день, когда Гофман приехал в Дрезден, туда вступила 20-тысячная гвардия русско-прусской армии во главе с императором Александром I и королем Фридрихом Вильгельмом III. Однако уже вскоре после поражения от Наполеона в битве при Гроссгёршен в Тюрингии союзники оставили Дрезден, куда вошли французские войска: до ноября 1813 г. здесь находилась ставка Бонапарта. После небольшого затишья, во время которого в Дрезденской опере Гофман дирижировал оркестром труппы Секонды, получившего разрешение от французов давать представления в очередности с французскими и итальянскими труппами, вновь начались боевые действия, кульминацией которых стала битва за Дрезден, продолжавшаяся три дня с 25 по 28 августа 1813 г. После этой битвы, в которой Наполеон в последний раз сумел одержать победу, перед стенами города на поле боя остались десятки тысяч убитых и раненых, которых Гофман увидел на следующий день после окончания сражения. Свои впечатления от увиденного он описывает в эссе «Три роковых месяца», которое отправляет своим друзьям в Бамберге. Глядя на то, как похоронные команды французов очищают место сражения от убитых, он пишет: «Первыми, что я сразу заметил, в большие ямы сбрасывали и закапывали раздетых донага павших французов, по 20—30 в один ров... Поле было густо покрыто телами русских, частью чудовищно изувеченными и разорванными. Так, я видел одного, у которого было снесено полголова. На некоторых из мертвых лиц было видно ожес-

точение боя. Один солдат встретил смерть, когда сунул руку в патронную сумку, чтобы зарядить ружье. Другой — русский офицер — держал саблю над головой в замахе правой руки и так и застыл в смерти. Ядро поразило его прямо в грудь у левого предплечья, оторвало руку и разможило грудь... Мне показалось, что-то шевельнулось невдалеке от него в траве. Мы подошли туда и — гляди-ка: один русский, у которого обе ноги были прострелены так, что все было пропитано липкой кровью, примостился, сев ровно, поудобнее, и грыз краюху пайкового хлеба» (пер. с нем. наш. — В. Г., И. К.) [20, S. 276].

В этом репортаже с поля смерти поражает натуралистическая стилистика авторского нарратива в контрасте с той поэтикой повествования, которая доминирует в четырехтомном сборнике «Фантазии в манере Калло» Гофмана. Во второй том, вышедший в 1814 г. в Бамберге, включена новелла «Магнетизёр». Отмеченный выше контраст имеет прямое отношение к проблеме соотношения романтической фантазии и действительности, возвращая к мучительному вопросу об онтологическом статусе художественного воображения и его истоках. На фоне почти бытовой стилистики в изображении того, что явлено на поле Дрезденского сражения, возникает вопрос, который в манере кантовского критического идеализма может быть сформулирован так: какая телеология дает о себе знать в мире явлений, пережитых Гофманом на этом поле?

Уже само название первого сборника Гофмана заключает в себе герменевтический код к ответу на этот вопрос: Жак Калло — французский график первой половины XVII в. — задает основные координаты эстетической вселенной Гофмана, отражающей демоническое вторжение таинственных сил, стремящихся разрушить его софийные основания и подменить их трансгуманоидными автоматами мертвой, но эстетически привлекательной механики. Это вторжение Калло представил в своих виртуозных офортах в шокирующем смешении гротескной фантастики с острыми реалистическими наблюдениями, прежде всего, ужасов войны: самый известный графический цикл Калло носит названия «Бедствия войны» (1632—1633). В этой связи вполне допустимо утверждать, что основные новеллы «Фантазий в манере Калло» суть экфрасис фантастической странности графики французского художника, о чем свидетельствует и сам Гофман, предваряя часть 1 своего цикла очерком «Жак Калло», начинающимся словами: «Отчего не могу я насмотреться на твои странные фантастические рисунки, смелый мастер? Отчего не выходят у меня из головы твои образы, набросанные иногда лишь двумя смелыми штрихами? Когда я долго смотрю на твои богатые композиции, составленные из разнороднейших элементов, нередко мной оживают тысячи и тысячи образов...» [6, с. 45].

Самым важным, однако, на фоне примечательной параллели эстетических мультиверсов Калло и Гофмана нам представляется то, как в их художественном воображении под впечатлением повседневных ужасов войны формируется картина демонической деформации мира, в котором рок войны воспринимается как трагическая объективация борьбы темных и светлых сил как в неземных сферах, так и в убогой

реальности повседневной обыденности. Точкой пересечения силовых полей этой мега- и макрокосмической битвы всегда является человек с его рвущимся микрокосмом души, что отражено в знаменитом гофмановском двоемирии. О специфике этого двоемирия, выделяющего писателя среди романтиков, Н. А. Жирмунская говорит так: «В отличие от гейдельбергских романтиков высокое и низкое, идеальное и земное не противостоят у Гофмана друг другу как бесконечно далекие полюса, а тесно сплетаются в реальной жизни, порою — в личности одного и того же человека» [8, с. 11]. Об этом пишет и сам Гофман в письме к своему издателю К. Ф. Кунцу от 24 марта 1814 г., представляя основную идею своего «готического романа» «Эликсиры дьявола»: «В нем я намерен показать то, как в причудливой фантастической жизни одного человека, над которым уже с рождения властвуют небесные и демонические силы, со всей отчетливостью проявляются таинственные переплетения человеческого духа со всеми теми высшими принципами, каковые сокрыты во всей природе и лишь время от времени, подобно вспышкам молнии, дают о себе знать» (пер. с нем. наш. — В. Г., И. К.) (цит. по: [21, S. 337]).

Этот роман Гофмана свидетельствует о его близости тому направлению немецкого романтизма, в котором главным антидотом против отравления «эликсиром дьявола» является христианская вера. К тому же направлению относятся те, кто в ранний период, связанный прежде всего с йенским романтизмом, стремились к замене традиционной религии искусством, но эта пантеистическая эйфория программы обновления мира, которую многие романтики связывали и с феноменом Наполеона как воплощением «мирового духа», вскоре рассеялась. Многие из них, как Новалис, Шлегель или Шеллинг, стали католиками. Надежда романтиков на то, что красота спасет мир и что эстетическое воспитание перевоспитает европейцев, была разрушена роковыми вторжениями, лейтмотивно представленными в мире Гофмана в образах страшных и внезапных незнакомцев, резко распахивающих дверь в уютные дома немецких бюргеров. Таким предстает и Альбан в новелле «Магнетизёр», отражающий лейтмотивную доминанту творчества Гофмана — демонизацию мира, в котором внешнее зло есть ожесточенно кровавая объективация внутренней демонизации человека, пронизаемого для таинственных и могущественных сил зла, стремящихся к тотальному господству над миром.

«Лишь в таком бытии с Ним и в Нем (in diesem mit Ihm und in Ihm Sein) я способна жить настоящей жизнью, и если бы он смог духовно полностью отойти от меня, мое "я" замерло бы в мертвящей пустоте» [4, с. 49]. Эти слова Марии, разрушенной оружием тайны, «которую некая незримая церковь» [4, с. 49] доверила зловещему Альбану, поражают своим точным параллелизмом словам апостола Церкви Христа: «...все из Него, Им и к Нему (von ihm und durch ihn und zu ihm)» (Рим. 11: 36). Только в обратной пропорции к «некой незримой церкви» магнетизёра! Применение этого магического оружия меняет электродинамику мира, его «магнитные полюса»: гравитация Неба в софийной душе мира сменяется гравитацией Ада. Новелла «Магнетизёр» показы-

вает одну из изощренных техник этого нового магнетизма. Согласно многочисленным источникам [15–17], в начале XIX в. увлечение магнетизмом приобретало в Германии невиданные масштабы. Его основоположником считается австрийский врач Франц Антон Месмер (1734–1815), создавший теорию о «животном магнетизме» – месмеризм. До сих пор мнения о нем разнятся: так, в комментариях А. Бариновой к новелле «Магнетизёр» указано, что Месмер «без особого успеха» практиковал «методы лечения больных, близкие гипнотизму и экстрасенсорике» [1, с. 489]. В авторитетном немецком Dtv-лексиконе, основанном на материалах энциклопедии Брокгауза, читаем, однако: «Месмер проявил себя как выдающийся врач благодаря успеху открытой им магнетической терапии» [19, S. 58]. Кто же прав и есть ли серьезная духовная подоплека в месмеризме, как это отражено в «Магнетизёре» Гофмана?

Месмер развил свой метод, ориентируясь на новые положения в естественных науках, стремительно развивавшихся после научной революции Ньютона в конце XVII в. и открытия электричества в середине XVIII в. Он связывает ньютоновское понятие эфира с понятием электрического флюида, который, по его мнению, обеспечивает сообщающиеся взаимодействия в эфирной среде всех живых существ и дает возможность в определенных пространственных границах оказывать им воздействие друг на друга. Месмер вслед за открытием Ньютоновой гравитации открывает *gravitas animalis* – «животную гравитацию», действующую в *materia luminosa* – тонкосветовой среде. Именно в ней возможен перенос воздействия «флюида» как своеобразного психофизического тока на человека, подвергающегося «животному магнетизму», вызывающему в нем телесные и духовные изменения. Чрезвычайно показательно, что месмеризм становится одним из факторов политического масонства: получив известность, Месмер организует практику в Вене, где ведет знакомство с Моцартом, а потом в Париже, где накануне Французской революции создает «Орден гармонии», ставший одной из основ якобинского движения.

Романтики с большим энтузиазмом восприняли теоретические и практические изыскания магнетизма, прежде всего в его спиритуалистическом развитии в лионско-остендской школе под руководством кавалера Барбарена и школе духовного исцеления, основанной маркизом Пюисегюром. Суть магнетического спиритуализма сводилась к возможности воздействия на физику и психику тела без материально-механических приемов, а только посредством духовных влияний, например силой воли, излучающей «флюид воздействия». Пантеистически ориентированных романтиков привлекало в магнетизме положение о действии в материальной природе «оживленной силы тяготения», что соответствовало основной доктрине пантеизма, в которой понятие «бог» было отождествлено с понятием «природа». Пантеистические идеи были восприняты Гердером, Гете и романтиками, пытавшимися создать органическо-гилозоистическую натурфилософскую религию вне связи с христианской трансцендентно ориентированной верой. Это стремление отражено и в их отношении к магнетизму как до-

казательству целесообразности божественной природы без учета, однако, исходного положения христианства о грехопадении мира в онтодинамику «бытия-к-смерти», выход из которой невозможен за счет сил имманентного принципа, но только за счет трансцендентных энергий, именуемых в православии благодатью. В этом свете проблема «флюида воли» для исцеления сводима к дизъюнкции: или к тому, что сказано Иисусом в страстях смертных в Гефсимании: «Да будет воля Твоя!» (Мф. 26: 39–40), или к тому, что в магнетизме сводимо к формуле: «Да будет воля "электрического флюида"!»

В этом месмерическом подтексте читатель Гофмана обречен на необходимость учета эзотерических процессов в духовной лихорадке Европы XVIII–XIX вв., прежде всего в масонстве. Сам Гофман был знаком с основными тенденциями немецкого масонства, что нашло отражение в символике его произведений. Многие масонские ложи серьезно интересовались психическим и ментальным принципом электричества, имевшим разные названия — «электрический флюид», «пластический астральный посредник», Фохат и другие. Причина этого интереса — романтический идеал натурфилософской науки динамических связей между субъективным сознанием и объективными явлениями. Но именно в этих кругах обозначилась коллизия электричества в его физической, психической и ментальной формах как мистического инструмента в противостоянии двух магнетизмов, а именно — между магнетизмом Неба с его христианской волей и магнетизмом Ада с его волей к власти.

В новелле Гофмана тайна магнетизма оказывается одновременно связанной с тремя видами смерти в эзотерическом знании: забвение, сон и собственно смерть. Сон означен в своей символической семиотике в устойчивом мотиве волшебной и литературной сказки, как, например, в сказке Ш. Перро «Спящая красавица». В «Магнетизёре», однако, Альбан крадет жизнь Марии не во время символического сна заснувшей души, а во время ее естественного сна. В герметической философии вопрос о сне связан с представлением о «биосе» человека — о его биологической жизни, которая из-за грехопадения обречена на теснейшую связь с электрической энергией Змея [12, с. 323–324]. Понятие жизни как «биоса» очень близко к понятию «софийная основа бытия» в русской культурной традиции. «Биос» сам по себе рассматривается как «вечный двигатель», который тем не менее устает, стареет и разрушается по причине электрического фактора. Время, когда «биос» способен отдохнуть от электричества и восполнить свои исходные силы, — естественный сон. Это время действия девственной природы при минимализации электрической силы Змея, это время ночного Солнца в силе его небесного магнетизма. Но именно в эту временную зону софийной силы вторгается Альбан, что в своей готической фантастике отобразил последний обитатель опустевшего после смерти Марии замка старый художник Франц Бикерт: в его росписях «чаще всего повторялось отвратительное изображение дьявола, подглядывающего за спящей девушкой» [4, с. 57].

Самое поразительное, что в этой, казалось бы, совершенно фантастической образности и демонизирующей событийности новеллы Гофмана присутствуют самые популярные теории его времени, например, трактат Г.Г. Шуберта «Рассуждения о ночных сторонах естествознания» [22], вышедший в 1808 г., или «Основные положения физиологии и физики магнетизма» Э. Бартельса [14], опубликованные в 1812 г. Мир демонических сил активно использует достижения научного естествознания, пользуясь которыми он стремится превратить софийную органику бытия в мертвую механику. Девственная природа Марии распознает опасность этого превращения: перед окончательным порабощением магнетизмом Альбана она еще успевает крикнуть ему: «Оставь меня, страшный человек, я хочу умереть без мучений» [4, с. 43]. Но после погружения «в глубокий сон» она обречена на все три вида смерти, попав в «пределы круга, который он очертил» [4, с. 49] для нее. Во многих произведениях Гофман упоминает этот новый магнетический круг гибели, который, как Антикосмос «черной дыры», всасывает в себя и разрушает все живое Космоса, как, например, в новелле «Песочный человек», где главный герой Натанаэль в безумии ума и сердца попадает в «огненный круг» демонического Кошпелиуса: «Гей, гей, гей! Огненный круг! огненный круг, вертись веселей, веселей» [5, с. 37].

Когнитивное значение фантазии Гофмана, представляющей изощренные техники зла, очень часто, присоединяясь к мнению Гёте, В. Скотта и других [18], подвергали критике, полагая, что его романтическое воображение несовместимо с требованиями разума. Но разве не доказала сама история мира, насколько прав Гофман в своем германском протесте против разрушения софийной основы бытия? В этом протесте — его педагогика жизни для ума и сердца. Именно любовь, «которая никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся» (1 Кор. 13: 8), может помочь романтическому субъекту, пусть даже глотнувшему «эликсира дьявола», не запутаться в магии зловещего магнетизёра и стать хранителем софийного кода жизни для Жизни!

Список литературы

1. Баринова А. Комментарии // Собр. соч. : в 8 т. М., 2009. Т. 1. С. 481 – 493.
2. Башляр Г. Избранное: Поэтика грез. М., 2009.
3. Булгаков С.Н. Философия имени // Булгаков С.Н. Первообраз и образ : соч. : в 2 т. СПб. ; М., 1999. Т. 2 : Философия имени. Икона и иконопочитание. С. 5 – 240.
4. Гофман Э.Т.А. Магнетизёр // Гофман Э.Т.А. Новеллы. Л., 1990. С. 23 – 60.
5. Гофман Э.Т.А. Песочный человек // Собр. соч. : в 8 т. М., 2009. Т. 2. С. 7 – 40.
6. Гофман Э.Т.А. Фантазии в манере Калло // Собр. соч. : в 8 т. М., 2009. Т. 1. С. 45 – 378.
7. Грешных В.И. Мистерия духа. Художественная проза немецких романтиков. Калининград, 2001.
8. Жирмунская Н.А. Новеллы Э.Т.А. Гофмана в сегодняшнем мире // Гофман Э.Т.А. Новеллы. Л., 1990. С. 5 – 20.
9. Карасев Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995.
10. Касаткина Т.О. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2014.

11. *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Отечественная интеллектуальная культура (моделирующий глоссарий и стратегические приложения) // Бесконечная равнина: антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры конца Нового времени. Иваново ; Шуя, 2010. С. 5–24.
12. *Старшие Арканы Таро.* Медитации автора, пожелавшего остаться неизвестным. СПб., 1997.
13. *Хайдеггер М.* Гёльдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991. №1. С. 37–47.
14. *Bartels E. D. A.* Grundzüge einer Physiologie und Physik des Magnetismus. Frankfurt a/M, 1812.
15. *Benz E. F. A.* Mesmer und die philosophischen Grundlagen des animalischen Magnetismus. Wiesbaden, 1977.
16. *Darnton R.* Der Mesmerismus und das Ende der Aufklärung in Frankreich. München, 1983.
17. *Erman W.* Der tierische Magnetismus in Preußen vor und nach den Freiheitskriegen. München ; Berlin, 1925.
18. *Druх R. E. T. A. Hoffmann.* Der Sandmann. Erläuterungen und Dokumente. Stuttgart, 2003. S. 67–78.
19. *Dtv-Lexikon* : in 20 Bdn. München, 1992. Bd. 12.
20. *Hoffmann E. T. A.* Tagebücher / hrsg. von Friedrich Schnapp. München, 1971.
21. *Safranski R. E. T. A. Hoffmann.* Das Leben eines skeptischen Phantasten. Frankfurt a/M, 2000.
22. *Schubert G. H.* Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaften // Kindlers Neues Literatur Lexikon / hrsg. von W. Jens. München, 1998. S. 28–29.

Об авторе

Владимир Хамитович Гильманов – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Иван Демьянович Копцев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

Наталья Евгеньевна Лихина – канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NLikhina@kantiana.ru

The author

Prof. Vladimir Gilmanov, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Prof. Ivan D. Koptsev, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

Dr Natalya E. Likhina, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NLikhina@kantiana.ru